

На правах рукописи

Лобанова Марина Валерьевна

**Функции поэтических ассоциаций
в раннем творчестве В.В. Маяковского**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва
2007

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века
Московского государственного областного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Людмила Алексеевна Смирнова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Валерий Александрович Редькин
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Александр Миронович Ушаков

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Орловский университет»

Защита состоится 18 октября 2007 года в 15 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.155.01 Московского государственного
областного университета по адресу: 105005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса,
д.21а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского
государственного областного университета по адресу: 105005, г. Москва,
ул. Радио, д.10а.

Автореферат разослан 13 сентября 2007 года

Учёный секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

 Т.К. Батунова

Наследие В.В. Маяковского всегда привлекало исследователей, но рассматривалось неоднородно. В России, до октябрьского переворота 1917-го года, его творчество воспринимали ошибочно – как выражение футуристической «программы». В течение первых десятилетий советского режима позицию Маяковского фальсифицировали, приписывая ему неколебимое поклонение только идеям марксизма-ленинизма. Многие русские эмигранты резко осудили поэта за сотрудничество с большевиками и отказали в художественной ценности его лирике, поэмам, пьесам.

Объективное определение поэтического таланта Маяковского, вне зависимости от его политических взглядов и литературных прогнозов, дали тем не менее деятели Русского зарубежья (М. Цветаева, М. Слоним, А. Бем, Г. Адамович, Вл. Ходасевич, Ю. Анненков) – в кратких, но пронизательных суждениях. Этот факт пристально и многопланово рассматривается в наши дни.

В России на исходе первой половины XX века сложилось продуктивное направление в осмыслении наследия Маяковского – на основе пристального изучения его творческой биографии. Значительным источником такого поиска воспринимается документальная книга В. Катаняна «Маяковский. Литературная хроника» (М., 1945), отразившая тесные связи жизни поэта в искусстве и его личной судьбы.

За период с 1955 по 1961 год вышло в свет «Полное собрание сочинений в тринадцати томах» Маяковского. В отличие от предшествующих трёх изданий его произведений (1927 – 1933; 1934 – 1938; 1939 – 1949), в этом собрании была осуществлена актуальная цель – «дать научно выверенный текст произведений», опубликовать «свод вариантов и разночтений» художественных образов¹. Проникновением в сложные переходы на творческом пути поэта, в эволюцию лирического героя его сочинений, преодолением примитивно – социологического подхода к ним были отмечены многие монографии: А. Метченко («Маяковский», 1964,

¹ Маяковский В. Собрание сочинений в 13-ти томах. – М., 1955 – 1961 – Т. I – С. 5,6

«Маяковский· очерк творчества», 1982), В Перцова («Маяковский. Жизнь и творчество 1893 – 1917», 1959, 1969, 1976), А. Михайлова («Маяковский», 1988), Ю Прокушева («Жизнь и творчество Владимира Маяковского», 1987), др Притягательным стало исследование поэтического своеобразия лирики, поэм Маяковского, особенностей его стиля, языка На этой сфере было сосредоточено внимание большой группы литературоведов. В. Тимофеевой («Язык поэта и время Поэтический язык Маяковского», 1962), З. Паперного («Поэтический образ у Маяковского», 1961), Ф. Пицкель («Маяковский. Художественное постижение мира», 1979), Н. Харджиева, В Тренина («Поэтическая культура Маяковского», 1970), В Тренина («В мастерской стиха Маяковского», 1978, 1991), В. Альфонсова («Нам слово нужно для жизни В поэтическом мире Маяковского», 1984), А Михайлова («Я знаю силу слов», 1983, «Мир Маяковского», 1990), К Петросова («Творчество Маяковского· О русской поэтической традиции и новаторстве», 1985), Ю. Карабчиевского («Воскресение Маяковского», 1985, 1991), др В последнее время зримо проявился интерес к переосмыслению теории и практики авангардистских течений в России, характера и роли участия в них В Маяковского. Такая линия изучения русского искусства начала XX века определила работы ученых Н. Харджиева («Статьи об авангарде», 1997), И Сахно («Русский авангард· Живописная теория и поэтическая практика», 1999), Е Бобринской («Футуризм», 2000), В Маркова («История русского футуризма», 2000), ряда иных Против утверждения главенствующей для Маяковского ориентации на поэтику, обусловившую суть литературного авангарда, справедливо выступил А.М Ушаков в цикле статей («Проблемы истории литературы и текстологии В Маяковского», 2005; «Маяковский вчера и сегодня», 2007). Исследователь пришел к убедительному выводу: рассмотрение обширного наследия художника с позиций одной, пусть остро актуальной, проблемы не может привести к открытию сложного комплекса его поисков и откровений

Для углубления в многогранный мир Маяковского, в его разнонаправленные влечения и свершения необходимо, по нашему мнению, пристальное, системное освоение текстов художественных произведений поэта. В них течение лирического монолога предельно насыщено «построчными» сопоставлениями неоднородных, порой, казалось бы, противоречащих друг другу явлений, символической окраской мотивов и акцентов, непрямыми, «зашифрованными» их обобщениями. Постигание утонченного самодвижения поэтической речи открывает обилие не учтённых ранее особенностей авторских взглядов, мыслей, переживаний, проясняя подлинное звучание произведения, спорные моменты его восприятия и оценки. Соответственно такой направленности текстологического анализа определена тема настоящей диссертации.

Объектом реферируемой работы избраны: раннее художественное творчество Маяковского, его публицистические выступления 1910-х годов, материалы автобиографического характера, письма. Внимательно изучены и учтены исследования, посвящённые наследию поэта, а также своеобразию разных видов русского искусства начала XX века, теоретическим проблемам литературоведения; освоены положения некоторых философских учений. В целях проводимого анализа разносторонне осмыслен ряд библейских сюжетов и образов.

Основной целью данной работы является исследование самобытного характера и функционирования поэтических ассоциаций в ранней поэзии В. В. Маяковского.

Поставленная цель обусловила ряд конкретных задач:

1. Определить сущность понятия «поэтическая ассоциация».
2. Раскрыть многонаправленность этого элемента авторской речи в лирике Маяковского 1910-х годов.
3. Исследовать роль поэтических ассоциаций при воплощении поэтом вечных ценностей духовного бытия.

4. Рассмотреть характер и значение ассоциативного потока в поэмах Маяковского

5 Установить внутренние связи между поэзией Маяковского и новыми тенденциями живописного и музыкального искусства начала XX века

Целью и задачами настоящей работы обусловлено комплексное использование следующих методов исследования: текстологического, сравнительно-типологического, аксиологического

Научная новизна диссертации прежде всего обусловлена разработкой ранее не осуществляемого текстологического подхода к художественным произведениям Маяковского. Благодаря проникновению в их ассоциативный строй по-новому осознается многозначность каждого сочинения, тесная, взаимообогащающая связь между конкретным авторским наблюдением – переживанием и структурно-колористическим его воплощением. В «построчных» обобщениях проступают не учтенные исследователями черты городской жизни, запечатленной в пейзажных зарисовках, цвето-световой гамме. Переключка лирики Маяковского со стихами последовательных футуристов отходит на второй план, оттесняемая трагическим восприятием мира личностью. По-новому осмыслено «Облако в штанах», где видели только четыре крика «долгой» четырех частей, то есть социально обезличенную сущность поэмы. В настоящей работе она рассмотрена как выражение не одних мук неразделенного женщиной чувства, но страстной мечты об идеальной любви, способности к самоотречению во имя того, чтоб увидеть «наших душ золотые россыпи». Давно закреплённый за творчеством Маяковского мотив богоборчества получает иное толкование в результате изучения свойственной поэмам системы ассоциаций с библейскими образами и сюжетами. Их наличие не просто фиксируется, на этом материале устанавливается ориентация позитивных устремлений лирического героя на вечные, утвержденные христианством нравственные ценности. Избранное русло анализа дает возможность осветить созвучие ранней лирики Маяковского не только авангардистской живописи, взрывным ритмам, но

ведущим тенденциям общепризнанного изобразительного и музыкального искусства Серебряного века. Такая параллель обнаруживает ряд значительных особенностей композиционного и колористического мастерства поэта

Актуальность избранной темы, ее раскрытия состоит в том, что выявленные новые черты раннего творчества Маяковского позволяют, во-первых, логичнее понять дальнейший, вплоть до предсмертного периода, путь художника, во-вторых, главное, вписать его искания и достижения 1910-х годов в контекст отечественной культуры начала XX столетия. Такое заключение и опровергает закрепление новых языковых форм лишь за авангардизмом, а открывает в искусстве этого времени, при удивительном разнообразии его направлений и стилей, общие истоки, стимулы вдохновения и прозрений

Практическая значимость данного диссертационного исследования заключается в возможности использования полученных в его ходе наблюдений и результатов при дальнейшем постижении наследия В.В. Маяковского, в системе вузовского преподавания. в цикле лекций по истории русской литературы начала XX века, спецкурсах и спецсеминарах, а также в общеобразовательной школе при изучении в старших классах творчества Маяковского По линии междисциплинарных связей материалы работы могут быть использованы в качестве иллюстрации взаимодействия литературы, живописи и музыки

Апробация диссертации осуществлялась в докладах на трёх межвузовских конференциях Содержание диссертации нашло отражение в шести печатных работах Работа обсуждалась и была одобрена на заседании кафедры русской литературы XX века МГОУ

Структура и объём диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка. Общий объём диссертации – 201 страница, список используемой литературы включает 292 наименования.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается выбор темы, определяются цель, задачи, актуальность, новизна, практическая значимость работы, особенности методов осуществлённого в ней исследования. Здесь же раскрываются значимые для диссертанта размышления о творчестве В. Маяковского деятелей Русского зарубежья; определяется суть понятия «ассоциация» с позиции философских изысканий (Д. Юм) и в русле осмысления физиологии человека (химик и писатель Д. Пристли), утверждается необходимость в разнокомбинированном сочетании сделанных по этим линиям наблюдений для понимания сложного функционирования поэтической ассоциации.

В первой главе «Характер поэтических ассоциаций в урбанистической лирике 1910-х годов» рассматриваются теоретические вопросы, связанные с понятием «ассоциация» и «ассоциативность» – с опорой на теоретические труды В. Жирмунского, Р. Якобсона, Л. Гинзбург, Н. Харджиева, В. Тренина, И. Павлова. Затем дается общая характеристика мастерства Маяковского в этой области.

Ассоциативный строй ранней поэзии В. В. Маяковского весьма разнообразен и многогранен. Для выражения своего гибкого, изменчивого и часто экстатического жизнеощущения поэт обращается к прошлым и настоящим реалиям культурного, природного и социального пространства. Так образуется определенная система образов, которую можно охарактеризовать с нескольких точек зрения: содержательной (с чем сравнивается внутреннее бытие личности), характера обобщений (от личного к множеству или от массы к лирическому «я»), оценочной (негативная или позитивная окраска явлений), средств воплощения в тексте объективной сферы, с которой сопоставлены переживания субъекта (однословное определение связи или развернутое, переданное совокупностью эпитетов, сравнений, метафор). Ассоциации В. В. Маяковского различаются по истокам их происхождения. По значимости функций выделим некоторые линии соотношения состояний лирического субъекта с разными гранями жизни:

предметно-бытовой, социальной, культурной, взаимодействия с природой, порождающей индивидуальные и общие психологические процессы.

Образ города воссоздается сквозь призму восприятия индивидуума, удивительно чуткого к малейшим импульсам, оттенкам происходящего. Отсюда проистекает, например, необычное смешение красок и действий: «Багровый и белый отброшен и скомкан»². Логичней была бы обратная последовательность скомкан и отброшен. Ее нарушением донесена механичность происходящего. Этот акцент углублен бессмысленным поведением горожан: «Голпа – пестрошерстая быстрая кошка – / плыла, изгибаясь, дверями влекома» (Т1 С 11 (выделено мной – М.Л.)). Отождествление опустошенных людей с мертвым царством вещей и, напротив, сообщение неодушевленным предметам неоднородных человеческих состояний – придают особую выразительность изображению городских улиц и площадей, порта, Невы, ночи.

Поэтика лирики Маяковского живо перекликается с лозунгами футуристов и стихотворной практикой многих членов этой группы. Однако сущность и направленность творчества Маяковского воспринимаются почти как противодействующие их позиции. В декларации 1913 г. Из сборника «Садок судей II», подписанной и В. Маяковским, после эпатазирующего отказа футуристов от грамматических правил русского языка и анекдотического назначения, скажем, гласных и согласных звуков была установлена устрашающая цель «искусства»: «Мы во власти новых тем. ненужность, бессмысленность, тайна властной ничтожности воспеты нами»³. Маяковский не воспевал, а страдальчески разоблачал катастрофическое состояние мира и, главное, самоотверженно стремился к открытию путей его возрождения. Все традиционные средства художественной выразительности были смело трансформированы под воздействием его истинно гуманных убеждений.

² Маяковский В. В. Собрание сочинений в восьми томах – М., 1968 – Т. 1 – С. 11
Все последующие ссылки даны по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте

³ Русская литература XX века. Дооктябрьский период – М., 1980 – С. 502

В главе пристально рассмотрены варианты достижения многофункциональности поэтических приёмов, излюбленных Маяковским, на разном материале. многотемной урбанистической лирики, иронических «Гимнов» Установлена особо активная роль метафоры, которая устремлена, по определению поэта, к – «созданию самых фантастических событий, фактов, подчёркнутых гиперболой» (Т 5. С 493). Справедливо указал Р Якобсон на исток тропов, метафоры особенно – в желании «дать тонкий и точный баланс отношений, существующих между предметами, но и в том, чтобы отношения эти сместить»⁴. «Смещение» связей между явлениями, предельное усиление и перегруппировка заключенных в них акцентов – все это и есть выразительное запечатление предельных переживаний автора и его alter ego в образах, «подчёркнутых гиперболой». Многообразие форм «смещений» устанавливается в главе анализом разнотемных, обладающих неоднородной эмоциональной окраской сочинений Маяковского.

В тягостной атмосфере угнетающих диссонансов поэт искал и нашёл возможность воплотить свои светлые представления. Они одухотворяют образ лирического субъекта, который верит: «иная окажется родина» («России»; Т.1. С 156), хочет отдать всё «за одно только слово / ласковое, / человечье» («Дешёвая распродажа»; Т.1. С.142), завещает «грядущим людям» свои «до края полное сердце» и «сад фруктовый» «великой души» («Ко всему», Т.1 С.135). Тот же священный порыв в ряде публицистических выступлений Маяковского, обидно обойденный вниманием исследователей. В статье «Отношение сегодняшнего театра и кинематографа к искусству» (1913) Маяковский призвал к «настоящему большому искусству художника, изменяющего жизнь по своему образу и подобию» (Т.1 С. 367), позже (1915) в статье «Капля дёгтя» выразил веру в скорое появление в руках футуристов «чертежа зодчего» (Т.1 С 391), корректирующего скудную действительность для строительства будущего.

⁴ Якобсон Р Работы по поэтике Переводы – М, 1987 – С 357

Характер духовных исканий Маяковского проясняют многие прозрения Ф.М. Достоевского, в частности – знаменитые раздумья о спасении мира Русский классик утверждал «Красота, - присуща всему здоровому..», но оттенял важный для всех эпох процесс. «Потребность красоты развивается наиболее тогда, когда человек в разладе с действительностью, в внегармонии.»⁵ Подобное сложное, трагически напряженное развитие и воплотил в поэзии Маяковский В атмосфере социальных и душевных потрясений он воспел влечение к свету, «забытое», утраченное или незамеченное человеком А мучительный опыт, острые страдания воспринял необходимым этапом в процессе очистительного самопознания личности и ее постижения Прекрасного.

Вторая глава «Вечные ценности как основа ассоциативного строя ранней лирики» состоит из трёх параграфов В первом – «Библейские образы и мотивы, принципы их воплощения в лирике» проясняется отношение диссертанта к мотиву «богоборчества» Маяковского, воспетому рядом советских исследователей и осуждённому деятелями Русского зарубежья Мотив этот многообразно проявлен в раннем творчестве Маяковского Но он критический, даже трагический пафос лирического героя «Облака в штанах» отнес к фальсифицированной узколобыми обывателями религии («Долой вашу религию») Отсюда, конечно, не следует утверждение христианского мироощущения поэта. Однако обилие разнохарактерных реминисценций – отсылок к Священному Писанию – в его лирике, особенно поэмах, свидетельствует о неколебимом значении для художника Заветов Христа Проведённое под этим углом зрения изучение текстов произведений Маяковского убеждает в том, что настойчивые параллели с библейскими образами и сюжетами определили суть утверждённых Маяковским нравственных ценностей. Мудрость христианских заповедей, несомненно, была принята автором «Облака в штанах»

⁵ Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 7 т. – М., 1994, Т.4 – С.219

В этом разделе второй главы диссертации проведена тематическая классификация апелляций к священным источникам, раскрыты русла обращения Маяковского к воплощенным в них откровениям:

- о Боге, Христе, апостолах, героях сюжетов Ветхого и Нового Заветов;
- реалиях, заимствованных из христианской культуры (рай, Рождество, крест, распятие, церковь, колокольня; ад – обиталище сатаны);
- о мудрости христианского вероучения;
- событиях и ситуациях Священной Истории

Рассуждения о том, что Маяковский отстаивал свои убеждения в процессе переосмысления, чуть ли не отрицания Заветов Божиих, – не состоятельны. В опустошенной, растленной городской среде художник чувствовал мучительное одиночество, по этой причине уверенно и дерзко противопоставил свое «я» деградировавшему миру, избрав позицию бескомпромиссного осуждения порочного существования. Поэтические ассоциации авторских экстатичных переживаний с теми или иными текстами Священного Писания в лирике В. Маяковского 1910-х годов обрели концептуально важную значимость. Локальные цитаты, чаще аллюзии на откровения Ветхого и Нового Заветов позволили не только обосновать позитивные представления поэта, но прояснить суть противоречивых реалий современной ему жизни. Достаточно было упомянуть в стихотворении «Ко всему» «ношу креста», под которой «усталый стал» Христос, чтобы передать смысл очень сложного, двойственного восприятия современности художником. Краткое суждение Спасителя «кесарево кесарю – богу богово» – дает ключ к пониманию самокритичного настроения героя в на редкость зашифрованном стихотворном признании, названном «Себе, любимому, посвящает эти строки автор». В других случаях Маяковский ассоциирует свои мироощущения с заметно домысленными или даже трансформированными элементами священных источников: «гвоздями слов прибит к бумаге я» (Т 1 С.129). Страстная безудержность поиска, острота внутренних метаморфоз лирического героя происходили одновременно от

развенчания несостоятельного мира и трепетного сострадания к человеку, о чем строго и мудро сказал Блаженный Феофилакт Болгарский: «Притом еще Бог многим не открывает Своих тайн, наипаче по человеколюбию, дабы они не подверглись большому наказанию за пренебрежение того, что узнали»⁶. В диссертации приведены многие евангельские толкования, поучения Отцов Церкви, позволяющие увидеть твёрдую ориентированность на них поэта и лирического героя его стихотворений.

Во втором параграфе главы – **«Своеобразие библейских реминисценций и элементов христианских ритуалов в поэмах «Облако в штанах» и «Война и мир»** – воплощен опыт автора, обогащенный личными потрясениями и катаклизмами эпохи. В поэме «Облако в штанах», особенно в «Войне и мире» все трагичные конфликты времени раскрываются не только сквозь призму переживаний главного персонажа, а с позицией его идеала живой жизни, определяющей перспективы пробуждения каждого отдельного лица и человечества в целом. Такая направленность крупных произведений обусловила их особую притяжённость к текстам Библии, поскольку именно в них достигнуто редкое по естественности и гармоничности сочетание сокровенной беседы, обращенной к одному искателю истины, с широчайшим обобщением вечно-космического охвата. С их высоты открывался в священных книгах христианства Закон бытия – небытия, цветения – гибели древних городов, царств. Такая сфера обостряла внимание Маяковского к катаклизмам начала XX века и сообщала энергию развенчания вызвавших их причин. А верность идеалу была донесена с опорой на абсолютные, вечные духовные ценности. Любовь соотносилась со «словом, величием равным богу». В этом образе заложены многозначные акценты. В первой строке «Святого благовествования» от Иоанна сказано: «В НАЧАЛЕ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»⁷. Маяковский, разумеется, не придавал своему определению подобного всебытийного смысла, но оно, у

⁶ Блаженный Феофилакт Болгарский. Благовестник – М., 2004 – Кн 1 – С 106

⁷ Библия. Евангелие от Иоанна. – М., 2000 – Гл 1 – С 1135

Маяковского «в муках рожденное», восходило в поэтическом сознании поэта к значению, близкому понятию «величие» Бога. Только земным чувством к женщине живёт персонаж поэмы Маяковского «Облако в штанах», но оно исполнено такой силы, самопожертвования, наделено таким спасительным для человека воздействием, что несомненна идеализация, даже абсолютизация любви лирического героя «Облака» – в духе евангельских откровений. В поэме «Война и мир» с христианских позиций постигается путь к всеобщей гармонии через очищение страданием. Реминисценции из Библии получили здесь концептуальный характер. Произведение обращено ко «вселенским» процессам. слово мир в заглавии писалось через и, обозначая Вселенную. Поэма имеет кольцевую композицию. Герою необходимо от начала и до конца «пронести любовь к живому», когда повсюду царствует смерть, в ее самых разнородных проявлениях. Первые слова пролога не случайно заимствованы из древних текстов, но адаптированы к текущим военным событиям: «Мёртвые сраму не имут / Злобу / к умершим убийцам туши. / Очистительнейшей влагой вымыт / грех отлетевшей души» (Т 1 С 158). Явственно звучит мотив всепрощения. В «Войне и мире», в отличие от тетраптиха «Облако в штанах», личный опыт героя словно растворён не только в конкретно-эпохальном, но в общемировом. По этой причине трагические переживания личности, болезненная острота главного ее побуждения – «пронести любовь к живому» – в условиях грандиозных разрушений войны и вековых грехов человечества обретают невероятные масштабы, иногда навевая ощущение безысходности. Вместе с тем спасительная мудрость христианского вероучения в «Войне и мире» оказывается максимально приближена к страждущему и жаждущему своего и всеобщего искупления и возрождения лирическому субъекту.

У поэта созрела стройная философия преображения мира, хотя, как справедливо отмечалось, была допущена вольная конкретизация лишь предначертанных в христианских канонических книгах процессов и перспектив.

Изучение «Войны и мира» привело диссертанта к очень важному наблюдению. Все светлые, духовно значительные представления художника сложились вследствие не только поклонения личности и деяниям Иисуса Христа, но как бы предвосхищения реализации Его предречений. Маяковский «прозревал» грядущую победу великого чувства, когда человечество радостно воскликнет. «Земля, откуда любовь такая нам?» (Т.1. С.188). Допущено своевольное «прочтение» некоторых канонических положений христианского вероучения. Тем не менее исток и суть прогнозов поэта зримо опирались на вечные ценности, дарованные Всевышним.

§2.3. Вольная переакцентировка сюжетов и образов Священного Писания в поэме «Человек». В этом произведении Маяковский прибегнул к еще более смелой трансформации библейских сюжетов, даже лика Христа для выражения собственного мироощущения. Такая установка нередко порождала ситуации почти еретического характера. Маяковский руководствовался мечтой о человеке, наделенном божественной силой возрождающей любви и желанием смело соотнести нетленные идеалы Нового Завета с запросами несовершенной текущей жизни.

С этой точки зрения в разделе пристально изучается текст поэмы. Последние страницы «Человека» освещены признаниями автора, свидетельствующими о том, что он сопоставил свои муки со страданиями Сына Божия: «Гремят на мне / наручники, / любви тысячелетия .» (Т.1 С.216). Осознание необходимости подвижничества рождает мотив полной самоотдачи. «И только / боль моя / острее – / стою, / огнём обвит, / на несгорающем костре / немислимой любви» (Т 1 С.216).

Неудивительно, что мир провожает самоотверженную личность благовестом «тысячей церквей» словами из поминальной молитвы: «Со святыми упокой!», под которые принявший «несгорающий костёр» жертв уходит в вечность.

В поэме «Человек» нашли продолжение основные черты ранней поэзии В Маяковского. Под очевидным влиянием интересных и глубоких

ассоциаций с Евангелием, освоения различных, определённых религиозными текстами стилистических фигур сложилась целостная нравственно-эстетическая концепция произведения, где раскрыт процесс восхождения к Истине: предельные страдания влекут к преодолению душевных противоречий и восхождению к Идеалу. Важен сам путь противоборства злу творчеством; длительность такой деятельности отнюдь не исключает её развития, обогащения созидательного дара поэта, предчувствия новых форм и светлых перспектив земного бытия. Поэма Маяковского – яркий образец подобных свершений художника.

Материал, воплощённый в третьей главе настоящей работы, привел диссертанта к выводу: расхождение Маяковского с футуристическими лозунгами, с выступлениями в литературе их сторонников протекало последовательно, по нарастающей линии. Давно утверждённое и ныне активно бытующее мнение о футуристическом периоде творчества Маяковского оказывается несостоятельным, мешает понять подлинную, гуманную направленность его ранних сочинений, а следовательно, осмыслить их место в отечественной художественной культуре.

Третья глава – «Ассоциативные связи с разными видами искусства: словесного, изобразительного, музыкального – в творчестве Маяковского 1910-х годов» – состоит из трёх параграфов. В первом разделе – «Роль апелляций к классической и современной литературе» – устанавливается характер этого вида связей произведений Маяковского с чужими текстами. Выделяются две формы реминисценций: открытая (эксплицитная) и завуалированная (имплицитная), разная окрашенность параллелей: позитивная, негативная, проистекающие от неоднородной трансформации источников. Обращение поэта к художественным образам его предшественников чаще вызвано редким, не поддающимся иной конкретизации явлением. Оно словно обретает свою значимость в параллели с уже воплощенным в литературе. Поэт по-разному акцентирует имена и творческие достижения известных деятелей культуры.

Маяковский, как известно, неоднократно высказывался негативно, даже иронично, зло о великих создателях словесного искусства. Для уточнения этого факта в диссертации предпринято углубление в суть публицистических выступлений поэта Их изучение, в частности статей: «Отношение сегодняшнего театра и кинематографа к искусству» (1913), «Россия Искусство. Мы» (1914) – привело к важному наблюдению. Эпатирующее отрицание талантов прошлого, высказанное в футуристических декларациях, подписанных и Маяковским, в серьёзных его раздумьях о литературе отсутствует, а выражено, напротив, уважение или восхищение творческими завоеваниями минувших лет Текстологический анализ лирики, поэм Маяковского 1910-х годов дал куда более обильные подтверждения устойчивости такой позиции поэта. Но значителен не только этот вывод Апелляции к именам, биографическим фактам, образной системе великих предшественников играли серьёзную функциональную роль в творчестве Маяковского, немало проясняя его нравственно-эстетическую позицию и эмоциональный настрой В разделе раскрыто авторское мастерство в этой области

Зло высмеивая «газетное небо» и его ничтожных и наглых обитателей, Маяковский предвосхитил окончательно их уничтожившую ситуацию: «Но если просочится в газетной сети / о том, как велик был Пушкин или Дант, / кажется, будто разлагается в газете / громадный жирный официант» (Т 1. С.80). Разоблачительность этих строк очевидна. Рядом даже с кратким упоминанием гениев прошлого любой газетный писака превращается в разлагающееся тело «жирного официанта» Реальным истоком для обличения лжеписателей стала отсылка к Н. Шебуеву – бульварному журналисту: «от чтения их / в сердце заводится мокрица / и мозг зарастает густейшим волосом»; они «дрянью заначивают / чемоданы душ»; от дряни «мысль иссушится в мелкий порошок», «останется смерть одна лишь ей» (Т 1. С 144-145)

Предельные потрясения войны донесены действенным сопоставлением с отдельным мотивом «Божественной комедии». «Дантова ада кошмаром намаранней, / громогласие меди грохотом изоржав, / дрожа за Париж, / последним / на Марне / ядром отбивается Жоффр» (Т.1. С 170) В военной действительности раскрытых в поэме Данте Алигьери «чистилища» и «рая» не будет! Поэтому усилены металлический скрежет, грохот, приближение смерти

Однозначнее проявлялись апелляции к деятелям литературы, окрашенные авторским негативным отношением к ним. Взыскательность Маяковского в данном случае была вызвана его неприятием позиции тех, кто по разным причинам не откликался на реальные процессы жизни. Иногда критическая реакция высказывалась с подчеркнутой грубостью. В поэме «Облако в штанах» разоблачительный пафос, направленный против «присосавшихся бесплатным приложением к каждой двуспальной кровати», завершается грубым выпадом против классического образа – с целью усилить мотив гибельного состояния современности. «Что мне до Фауста, / феерией ракет / скользящего с Мефистофелем в небесном паркете! / Я знаю – / гвоздь у меня в сапоге / кошмарней, чем фантазия у Гёте!» (Т.1. С 107). Маяковский считал: «Сейчас в мир приходит абсолютно новый цикл идей. Выражение ему может дать только слово – выстрел» («Не бабочки, а Александр Македонский», 1914 – Т.1. С 364) «Выстрел» не пощадил даже творение Гёте. С другой стороны, так проявилась авторская ирония по поводу того, насколько снижены ориентиры проблемного ряда в сознании рядового обывателя XX века. Именно над ним, не способным к миропознанию Мефистофеля, насмехался Маяковский. Аллюзии на современных деятелей литературы окрашены неоднородными эмоциями. Иногда проявлено абсолютное неприятие «.. из сигарного дыма / ликёрною рюмкой / вытягивалось пропитое лицо Северянина» (Т.1. С.110). Так отреагировал на вождя «эгофутуристов» Маяковский, явно исказив смысл самоуглубления И Северянина. Источником отрицательной реакции стало

гневное отношение автора «Облака в штанах» к стремлению уйти от острых процессов текущего времени в иные сферы. Чаще в контексте оценок Маяковского читается сложный смысл. В таком признании мудрая мысль соседствует с некоторой абстрагированностью определений и излишним максимализмом, особенно заметным в трактовке современной Маяковскому словесной формы. А «новый цикл идей» может передать только их сопоставление с прозрениями предшественников. Лирика Маяковского была исполнена творчески трансформированных реминисценций произведений классиков. Их узнаваемые образы обретали актуальные для автора XX века черты и смысл. Интересно сопоставление: «А там, где кончается звездочки точка, / месяц улыбается и заверчен, / как будто на небе строчка / из Аверченко» (Т 1 С.89). С другой стороны, возникает иное интересное наблюдение – соотнесённости тайн матери-природы и искусства. Это представление подчеркнуто ассонансной рифмой: месяц «заверчен, как» - «из Аверченко».

В настоящем разделе третьей главы диссертации устанавливаются важные для нас наблюдения. Во-первых, разноплановость содержательных элементов в апелляциях Маяковского к литературному материалу, нередко совмещение противоположных смыслов и подходов к тому или иному образу, что было вызвано стремлением отразить и объективное его значение, и восприятие достижений прошлого в обстановке сложившихся неразрешимых диссонансов настоящего. Во-вторых, несомненна чуткость Маяковского к могучему дару классиков, которому поэт XX века то поклонялся, то бунтовал против его власти, остро переживая человеческое низменное положение в текущем времени. Наконец, явно проявлен Маяковским жадный поток путей к тем широчайшим обобщениям, к коим пришли великие художники слова, что, однако, сопровождалось тоже двойственной реакцией – верой в свои силы и сомнениями в них. В любом случае, равнодушия или отрицания классического искусства («Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и

прочих и прочих с Парохода современности»⁸) – не было. Творчество Маяковского 1910-х годов обрело новые горизонты его внутренней, пусть нелегкой, притяженности к открытиям гениев минувших эпох

§3.2. Характер и функции параллелей с живописью. В. Маяковский высказал в 1913 году убеждение: «Художник, объявив диктатуру глаза, имеет право на существование. Утвердив цвет, линию, форму как самодовлеющие величины, живопись нашла вечный путь к развитию» («Театр, кинематограф, футуризм», 1913, Т 11. С.6). В его статье «Живопись сегодняшнего дня» (1914) авторская мысль получила иной смысл: «Возьмите от жизни элементы всякого зрительного восприятия, линии, цвет, форму и, закружив их танцем под музыку сегодняшнего дня, – дайте картину» (Т 11. С.17). В этой же работе Маяковский указал на соприродность художественных устремлений, присущих ему и некоторым русским живописцам 1910-х годов. «Более всего говорили о своей новизне, кажется, Гончарова и Ларионов, и краской, и линией, и формой. Ларионов же каждый день придумывает новые и новые направления, оставаясь талантливейшим импрессионистом» (Т.11. С.21). По этой линии ощутима эволюция представлений поэта: от явно футуристического утверждения «самодовлеющей величины» цвета, формы – к необходимости создать их средствами «картину» «сегодняшнего дня», к признанию заслуг импрессионистической выразительности сделанных обобщений.

Во многих исследованиях, вплоть до наших дней, доказательно прослежена ориентация пейзажных зарисовок Маяковского на футуристическую живопись. Такая связь очевидна, явственно проступает в уродливо искажённых картинах городской жизни, обильно раскрытых в урбанистической лирике поэта. В силу убедительной выявленности этой особенности, она специально в настоящей работе не рассматривается. Диссертант пришёл, в результате анализа текстов Маяковского, и к другому наблюдению: Творчество поэта свидетельствует об активной переключке

⁸ Русская литература XX века. Дооктябрьский период. – М., 1980 – С. 500

присущих ему принципов изображения с другими тенденциями изобразительного искусства начала XX века, направленными к символизации природных явлений, к обобщению «языком» небесно-земных реалий, переливов света, совмещения социальных явлений, человеческих состояний. Определены в главе созвучия пейзажного и портретного мастерства Маяковского с достижениями многих современных ему живописцев. Осмысление этой грани сближения разных видов искусства эпохи позволяет глубже проникнуть в художественный мир Маяковского.

«Подтекстовыми» обобщениями насыщены многие, будто сугубо пейзажные зарисовки в лирике Маяковского. В раннем (1912) стихотворении поэта «Ночь» экспрессивно переданы краски ночи, исчезновение дневного светила и отблеска заката («багровый и белый отброшен»), изменение яркой растительности под тусклыми электрическими огнями («в зелёный бросали...»), «синими тогами» одетые здания. Вместе с тем явственно проступает в этом отрывке образ греховной и жестокой к человеку атмосферы порочного мира, где исчезновение природных здоровых начал воспринимается как результат победы мрачных сил: «огни, «жёлтые раны», «обручали браслетами ноги» «бегущих».

Характерным для представителей разных видов искусства стало неоднородно акцентированное совмещение атмосферы человеческого существования с вечно прекрасными небесными далями. Б. Кустодиев, П. Кузнецов оттеняли их нетленную красоту, символизирующую возможный путь к прозрению у Кустодиева – тех, кто не заметил её, у Кузнецова – отчужденных от неё людей. В произведениях К. Малевича, П. Филонова была воплощена пугающая картина лишённого исконных, естественных красок и форм мира. Маяковский своеобразно реализовал обе тенденции. В главе анализируется образное их запечатление в произведениях.

В раннем творчестве поэта нет собственно пейзажной лирики, призванной донести в совершенных проявлениях природы мироощущение автора. Но великие дары всебытия Маяковский прочувствовал глубоко и

трепетно, запечатлев в ассоциации с ними свои идеальные представления. С солнцем, луной, небом, в разных их состояниях, соотнесены то вера в вечный источник жизни, то ощущение высшей кары. Маяковский свободно преобразовал созерцание небесных светил до психологически напряжённого «общения» с ними. Отсюда, к изначальному источнику жизни – «Солнце! Отец мой» – обращена мольба лирического героя о спасении; «Звезды, в платочках из синего ситца» становятся участниками людских страданий; «глаз новолуния» – «фиксирует» военные преступления. Очевидная параллель между творчеством поэта и современных ему живописцев просматривается в том, что все они отнесли конкретные признаки пейзажа постижением сущности вселенского целого.

Как уже часто говорилось, Маяковский часто прибегал к уподоблению обездушенного человека мертвой материи. Поэт ввел в этот процесс показательные акценты: передал то сочувствие к неодушевленным предметам, вызванное их неустанным служением людям, то – наступательную, грозную силу. В результате первого нововведения появились многозначные образы: «мудрая морда трамвая», «желание слезами омыть асфальт» и др. Второй оттенок в сложных отношениях между каменными строениями, техникой города и его обитателями породил целый каскад выразительных тропов: «хотьбой усталые трамваи / скрестили блестящие копыта» (Т 1. С 15), «сырой погонщик гнал устало / Невы двугорбого верблюда» (Т 1 С 21), «рогами в небо вонзались дымы» (Т 1 Т 22); уличная «канава» смогла «нас заневолить / веревками грязных дорог» (Т 1 С 24). Даже в природе была выделена наказующая заблудших горожан сила: «туман, с кровожадным лицом каннибала / жевал невкусных людей» (Т.1 С 61). Такой мотив донёс П. Филонов в иллюстрациях к стихам Маяковского. Сходный с переживаниями настрой выразил в своих рисунках К. Малевич, где на фоне переплетенных сломанных линий были изображены полные тоски человеческие глаза. Но мотивы, созданные поэтическим словом, обрели значительно более подвижное, многооттеночное содержание.

Е Бобринская убедительно писала о кубофутуристическом портрете, в котором человеческое лицо стало своего рода симбиозом «ощущений тактильных и зрительных, ассоциативных цепочек, в которые выстраиваются предметные и фактурные комбинации»⁹. В этой области Маяковский тоже широко использовал ассоциации между душевным состоянием героя и реалиями внешней обстановки. Свой «автопортрет» поэт мастерски вписал в атмосферу городской действительности, отразив характерную для нее цветовую гамму и передав общую динамику их совместного тягостного существования. Маяковский в оригинальных образных структурах экспрессивно «заострял натуру», «домысливал» городские реалии, находил исключительные ситуации для выражения связей между трагическими метаморфозами жизни и авторской мучительной реакцией на них. Образный язык поэзии позволил воплотить гораздо большую, чем в произведениях живописцев, сложность, многооттеночность такого сопоставления.

Многие установки живописи начала XX века, близкие Маяковскому, получили в его лирике качественное обогащение. Такой результат был обусловлен экспрессивно выделенным соединением двух разных русел авторских обобщений в произведениях поэта. По линиям сущностных проявлений противоречивого мира и самопознания творческой личности, мечтающей о преодолении сложившихся в трагической атмосфере трагических диссонансов.

§3.3. Раннее творчество Маяковского и тенденции музыкального искусства начала XX века. Раннюю лирику и поэмы Маяковского обычно сопоставляют с нововведениями композиторов авангардистского направления — с их освоением «рванных» ритмов, сбивчивого алогичного звукового потока. Между тем своеобразие музыкального искусства начала XX века было связано с куда более значительными откровениями.

В научно перспективных трудах М.А. Смирнова сущность музыкального творчества осмыслена с точки зрения «не отдельных

⁹ Бобринская Е. История живописи XX век. Футуризм и кубофутуризм — М., 2000 — С. 32

музыкальных образов, а питающих их внутренних импульсов», то есть с точки зрения совокупности психологических состояний, человеческих устремлений, эстетических запросов, присущих композиторам С такой позиции ученый раскрыл сложный характер зарождения и становления нового музыкального пласта. Своеобычность внутреннего мира С.В. Рахманинова определена как органичное сплетение неоднородных, даже противоречащих друг другу состояний, выраженных в музыкальных темах: «взлет энергии», но даже в ее мужественности справедливо усмотрены «и весенне-пьянящая страстность, и жаркая томность, и палитра любовного чувства, и, наконец, тоска». С этой точки зрения сходного по общим тенденциям и неповторимого по конкретному подбору сочетания разнородных начал рассмотрено творчество современных Рахманинову русских композиторов. Все они, каждый по-своему, трансформировали стройное развитие произведений, свойственное классическому музыкальному искусству, поскольку передали углубление в сложный, разнонаправленный духовный мир личности. Проявлением индивидуально-авторского стиля назван и «эффект внезапности», подразумевающий асимметричность мелодического рельефа¹⁰

Теоретик музыкальных жанров В.В. Задерацкий дал точное их истолкование как специфического для каждого жанра организации «системы звукодвижения, творящего образный смысл». Особенности творческих открытий композиторов XX века исследователь убедительно связал с модификацией классических форм - с «синтезом» «полифонической (многоголосой – МЛ) и гомофонной (одноголосой – М.Л.) структур», с совмещением симметрии со «свободной ассиметрией»¹¹

Маяковский, разумеется, по собственным личным запросам, освоил принципы, явственно перекликающиеся с новыми творческими тенденциями композиторов XX века, воплощения внутреннего мира, своего и своих

¹⁰ Смирнов М.А. Русская фортепианная музыка. Черты своеобразия – М., 1983 – С. 242, 308

¹¹ Задерацкий В. Музыкальная форма. – М., 1995 – С. 3

современников. Поэт тоже «распел» человеческую душу в динамической смене ее переживаний. И в этом процессе смело совместил резко противоположные состояния. В коротком вступлении к поэме «Облако в штанах» сразу выделено слияние в авторском мироощущении полярных побуждений: «Хотите – / буду от мяса бешеный / – и, как небо, меняя тона – / хотите – / буду безукоризненно нежный, / не мужчина, а – облако в штанах!» (Т 1 С 99-100). Сопоставление мастерства Маяковского в этой области с особой пластикой раскрытия самоощущения личности в музыкальных произведениях позволило диссертанту яснее представить и объяснить архитектуру произведений поэта. Между ним и деятелями музыкального искусства того же временного периода выявлены не замеченными самими современниками, тем не менее показательные ассоциативные связи.

В результате проведенного в главе анализа этой сферы установлены важные черты мастерства Маяковского. Прежде всего – при воплощении сложных метаморфоз лирического «я», породивших ёмкие образные определения. «Тронул губу, / а у меня из-под губы – / клык» (Т 1 С.86), «Я летел, как ругань. / Другая нога ещё добегаёт в соседней улице» (Т.1 С 48) Удивительно разнообразно донесена поэтом многооттеночность отдельных душевных состояний, где звуковая выразительность достигается с помощью аллитерации и ассонанса, повтора однокоренных слов: «И жуток / шуток / клюющий смех» (Т 1 С 12), «О, есть ли / глотка, / чтоб громче вгудела / – города громче – / в его гудение» (Т.1. С.210), «Город каждый, должно быть, иллюминирован / Поёт семья краснощёких и веселых» (Т 1 С.208). В самом текстовом движении лирического монолога Маяковским достигнут напряженный динамизм, что придает поэтической речи редкую активность воздействия на читателя. «Аккорды» (значимые моменты душевного настроения) сменяются конкретизирующими их «пассажами», что вполне совпадает с характерной для музыки XX века «токатностью», то есть постоянным чередованием аккордов и виртуозных пассажей. «Земля, / откуда любовь такая нам? / Представь – / там / под деревом / видели / с Каином /

играющего в шашки Христа. / Не видишь, / прищурилась, ищешь? / Глазёнки – щелки две / Шире! / Смотри, / мои глазища – / всем открытая собора дверь» (Т.1. С.188-189). «Слышу / тихо, / как больной с кровати, / спрыгнул нерв» (Т.1. С.101). Безумство взбунтовавшихся нервов обретает «самостоятельную» роль – источника разрушения, непреодолимой ночной «тины» - тьмы, предвестника трагедии

Необычные ритмика, синтаксис поэзии Маяковского, познание этой области мастерства достигло за всю историю изучения наследия поэта ярких успехов, получили существенную дополнительную сферу осмысления в соотношении творчества Маяковского и современных ему композиторов Немалое значение такого сопоставления состоит и в том, что некие «странности» стихотворных форм Маяковского, обычно объясняемые влиянием авангардной музыки, оказались по основе, истокам, присущими музыке XX века, совершенно иной, духовной направленности.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, намечаются его перспективы. Предполагаем, что освоенные в настоящей работе направления анализа будут полезны для постижения всего наследия Маяковского. Интересным и поучительным будет рассмотрение с этой точки зрения внутренних связей между разными поэтическими индивидуальностями эпохи. Настоящая работа, как кажется, углубила представления о самостоятельной, объективной ценности ранних исканий и прозрений Маяковского

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

- 1 Лобанова М.В. Функции библейских мотивов в поэме В. Маяковского «Человек» // Словесное искусство Серебряного века и развитие литературы (материалы межвузовской конференции, посвященной 70-летию МПУ): Межвузовский сборник научных трудов. – М · МПУ, -2001 — С. 74–78 (0,5 п.л.)
- 2 Лобанова М.В. В Маяковский в оценке деятелей Русского зарубежья // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской

- литературы XX века: Материалы Междунар. науч. конференции: Москва, МГОУ, 24 – 25 июня 2003 г. Выпуск 1: Русская литература конца XIX – начала XX века. Литература Русского зарубежья. Междунар. сб. науч. трудов. – М.: ИКФ «Каталог», 2003. — С. 127–130. (0,3 п.л.).
3. Лобанова М.В. Истоки и функциональное значение тропов в ранней лирике В. Маяковского // Дружба–3. Слово и образ в художественной литературе: Третий совместный сборник научных статей фак-та русской филологии МГОУ и кафедры русистики и лингводидактики педагогического фак-та Карлова ун-та в Праге. – М.: МГОУ, 2003. – С. 166–172. (0,5 п.л.).
4. Лобанова М.В. Поэзия В. Маяковского: создание художественной реальности // Наследие В.В. Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии: Материалы 3-й Международной научно-практической конференции / Под редакцией Н.Г. Рубцова и Н.И. Крижановского. – Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2004. — С. 102–107. (0,3 п.л.).
5. Лобанова М.В. Художественное осмысление философских вопросов в ранней лирике В.В. Маяковского // Утренняя заря: Молодежный литературоведческий альманах / Под ред. Т.К. Батуровой, В.П. Зверева. — М.: Изд-во МГОУ, 2006. — С. 132 – 150. (0,2 п.л.).
6. Лобанова М.В. Библейские мотивы в ранней лирике В.В. Маяковского // Вестник МГОУ. — М.: МГОУ, 2007. — С. 125 – 128. (0,2 п.л.).

Лобанова

Заказ № 342. Объем 1 п.л. Тираж 100 экз.
 Отпечатано в ООО «Петроруч».
 г. Москва, ул. Палиха-2а, тел. 250-92-06
www.postator.ru